

ЖОЗЕ САРАМАГО

Каменный плот

Магистраль. Главный тренд

Жозе Сарамаго
Каменный плот

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44

Сарамаго Ж.

Каменный плот / Ж. Сарамаго — «Эксмо», 1991 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-254571-9

«Если ведет стезя к неведомой звезде, это еще не повод не двигаться по земным дорогам». Пиренейский полуостров откалывается от материка. Неведомое течение уносит его в открытый океан. В этом замешаны три мужчины и две женщины из разных концов новоиспеченного острова. Одна провела палкой нестирающуюся черту, второй чувствует вибрацию земли, за третьим летит стая птиц, четвертая распустила вязанный чулок, а пятый бросил камень в воду. Им суждено встретиться и отправиться в путешествие вместе с собакой с ниткой во рту. Пока бывший полуостров плывет в неведомом направлении, эти пятеро влюбляются друг в друга и невольно образуют многоугольник. Романы нобелевского лауреата Жозе Сарамаго насыщены метафорами. Иду по следу твоему Дорого заплатила Лу из Клана Багровой Луны за краткосрочное беспамятство после первого оборота! Послушная дочь, она должна была заключить брачный союз с сыном альфы соперников. Но вместо первой брачной ночи получила заточение в клетке, а её клановая метка исчезла... Вedeц Вельм ненавидит двуликих верфов, много лет назад убивших его любимую жену. Ненавидит волков, несмотря на то что вот уже два десятка лет живёт в лесной избушке. И всё же однажды в его жизнь врываются странная волчица и не менее странная девушка... 1. Девушка-оборотень, отвергнутая собственным кланом и не желающая становится чудовищем. 2. Герой, ненавидящий оборотней и, сам того не зная, помогающий одной из них. 3. Тайный враг, жаждущий уничтожить человеческий род. 4. Кровожадные Оголтелые, ведомые только Голодом и пожирающие всё на своем пути. 5. История о ненависти и страсти, выборе и силе воли, обретении семьи и борьбе со зверем внутри себя.

УДК 821.134.3-31

ББК 84(4Пор)-44

ISBN 978-5-04-254571-9

© Сарамаго Ж., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Жозе Сарамаго Каменный плот

Будущее – всегда легендарно.
Алехо Карпентьер

Иберия очертаниями напоминает бычью шкуру.
Страбон

Пиренейский полуостров имеет форму плота.
Неизвестный португальский автор

МАГИСТРАЛЬ

Серия «Таро Сарамаго. Великие романы мастера метафор»

José Saramago

A Jangada de Pedra

Copyright © Jose Saramago & Editorial Caminho, SA, Lisboa–1991. Published by arrangement with Dr. Ray-Gude Mertin, Literarische Agentur, Bad Homburg, Germany

Перевод с португальского *Александра Богдановского*

© Богдановский А, перевод на русский, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Едва лишь Жоана Карда вязовой палкой провела по земле черту, как тотчас все псы Сербера залились лаем, повергнув в смятение и ужас жителей, ибо гласит давнее-давнее поверье: подадут голос неизменно до тех пор безмолвствовавшие собаки – жди конца света. Откуда взялось столь дремучее суеверие, как укоренилось оно и почему переросло в непреложную убежденность, сегодня никто уже не помнит, однако, продолжая играть в хорошо всем знакомую игру под названием «испорченный телефон», когда всякий раз по-разному рассказывается старая, сто раз слышанная сказка, французские бабушки тешили ею своих внучат, повествуя нараспев, что именно в том месте департамента Восточные Пиренеи, где ныне находится коммуна Сербер, в незапамятные древнегреческие времена жил да был трехглавый пес, громогласным лаем откликавшийся, когда звал его хозяин, лодочник по имени Харон, на кличку Цербер. Равным образом осталось неизвестно, каким таким органическим мутациям подвергся он, но факт, подтвержденный историческими свидетельствами, остается фактом: выродившееся его потомство появлялось на свет с одной головой и немым. Впрочем, одно объяснение все же есть: всякому известно, особенно если этот всякий – местный старожил, что сторожил вышеупомянутый ужас наводящий Цербер вход в преисподнюю, – пожалуй, не столько даже в нее вход, сколько из нее выход, следя, чтобы не смели покидать ее грешные души, – и вот боги, в ту пору уже вконец одряхлевшие, под занавес, так сказать, явили свое милосердие и поразили собак немотой отныне и впредь, надеясь, вероятно, что безмолвие это позволит на вечные времена позабыть про адскую область. Но поскольку, как ясно нам дали понять уже в новейшие времена, ничто под луной не вечно, стоило лишь в наши дни, в некоем португальском местечке – название его мы сообщим впоследствии, а пока скажем лишь, что много сотен километров отделяло его от коммуны Сербер, – женщине по имени Жоана Карда провести по земле вязовой веткой, как с лаем повыскакивали на улицы все окрестные псы, до тех пор, повторяем и подчеркиваем, не лаявшие никогда. А спроси кто Жоану, с чего ей вздумалось чертить по земле веткой, ибо занятие это больше пристало слабоумному подростку, чем женщине во цвете лет, и не подумала ли она о возможных последствиях, каковые, напомним, чреватые оказались большой бедой, она ответила бы: Сама не знаю, валялась палка, я подобрала ее и по земле провела линию. Так, может быть, это была волшебная палочка? Ну нет – большая слишком, да и потом, я слышала, будто волшебные палочки сделаны из хрусталя с золотом, светятся сами собой и звезда на конце сияет. Известно, что та палка была из вяза. Я в породах деревьев слабо разбираюсь, это уж потом мне сказали, что вяз иначе еще называют ильмом, да как ни назови, чудесных свойств в нем нет, но знаю одно – возьми я самую обыкновенную спичку, результат был бы тот же. Почему вы так решили? Что должно сбыться – сбудется, и силе этого противиться не надо, я тысячу раз слышала это от тех, кто постарше меня. Вы, стало быть, верите в предопределенность? Я верю в то, что должно случиться.

В Париже сначала долго смеялись в ответ на телефонные мольбы мэра, которого было едва слышно из-за оглушительного лая, так что казалось, что звонит он из собачьего питомника в час кормежки, и лишь благодаря настоятельным просьбам депутата парламентского большинства, который родился и вырос в этой самой коммуне, а потому был хорошо знаком со всеми тамошними поверьями и легендами, согласились отправить на юг двух сведущих ветеринаров из *Deuxieme Bureau*¹, дав им поручение разобраться на месте, изучить неслыханное происшествие и представить рапорт с перечнем надлежащих мер. А тем временем пришедшие в отчаяние и полуголохшие жители принялись изводить напасть до крайности простым методом, чья эффективность подтверждена на всех широтах и во все времена многократно, то есть разбрасывать по улицам этого прелестного курортного городка, ставшего ныне одним из кругов ада, десятки мясных шариков, начиненных отравой. Издохла всего-навсего одна собака, но урок был усвоен всеми остальными: с лаем, гавканьем и воем ринулись они из города вон,

¹ «Второе бюро» – управление военной контрразведки французского Генерального Штаба.

в один миг исчезли в окрестных полях, где тут же и смолкли, опять же без всякой видимой причины. И прибывшим наконец ветеринарам представлен был для освидетельствования лишь окоченевший и раздутый труп несчастного Медора, совсем не похожего на того благодушного пса, который любил сопровождать свою хозяйку, когда та отправлялась за покупками, а еще больше, по старости, – беззаботно дремать на солнце. Но поскольку справедливость не окончательно покинула этот мир, поэтически рассудил Господь, что суждено будет Медору околеть от руки возлюбленной своей хозяйки, хотя она – это важно знать! – приготовила отравленную приманку не для него вовсе, а для некой соседской шавки, которая упрямо брехала у нее в саду. И, стоя пред бранными останками пса, сказал старший из ветеринаров: Ну что, вскрывать надо, хотя это еще большой вопрос, надо ли, любой житель Сербера мог бы, если бы пожелал, засвидетельствовать *causa mortis*², однако негласное задание «конторы», как на профессиональном жаргоне называли они свое ведомство, надлежало выполнить, а потому они и приступили к процедуре исследования голосовых связок животного, которое в промежутке между окончательным безмолвием смерти и молчанием, что вроде бы хранило всю свою жизнь, все же несколько часов кряду подавало голос и тем могло бы пролить свет на поведение остальных собак. Зря старались ветеринары – голосовых связок у Медора не обнаружилось вовсе. Эксперты пришли в замешательство, из которого вывело их административно-здоровое суждение мэра: Ясное дело, серберские псы столько столетий не лаяли, что этот орган у них – как это называется? – а, «атрофировался». Но как же это так вдруг? Чего не знаю, того не знаю, объяснить не берусь, я не специалист, но тревожиться нам более не о чем, собаки исчезли, их теперь даже и не слышно. Распотрошенного и наскоро зашитого Медора отдали плачущей владелице в качестве живого укора – да, такая вот несообразность: бобик сдох, а укор жив. По пути в аэропорт, откуда ветеринары должны были лететь в Париж, они дружно согласились не упоминать в рапорте о таинственном завитке эволюции, лишившем серберских собак голосовых связок. И, видимо, лишились они их напрочь, ибо в ту же ночь носился по Серберу огромный, ростом с дерево, пес о трех головах – и носился при этом молча.

Тогда же – ну, может, раньше, может, чуть позже, – когда Жоана Карда провела вязовой палкой черту по земле, по берегу моря – дело было к вечеру, когда рокот волн становится еле слышен, словно мимолетный, беспричинный – так, ни о чем – вздох, – прогуливался некто, отрекомендовавшийся впоследствии Жоакином Сассой, шел себе вдоль по берегу, как раз там, где мокрый песок переходит в сухой, и, время от времени наклоняясь, подбирал то раковину, то клешню краба, то зеленое волоконец водоросли – кому из нас не случалось убивать время таким образом? Карманов у него не было, сумки он с собой не взял, складывать находки ему было некуда, а потому, когда трофеи уже в руках не умещались, он бросал их в воду: да вернется в море то, что морю принадлежит, а земле останется земное. Но нет правил без исключений, и Жоакин Сасса, заметив впереди, на сухом песке, камень, поднял его – увесистый и плоский, как диск, но неправильной формы, а будь он подобен другим, гладеньким и аккуратным, которые будто сами собой ложатся между указательным и большим пальцами, швырнул бы его Жоакин Сасса в море, с детской радостью следя, как подскакивает, несколько раз вспарывая водную гладь, выныривает и, наконец, потеряв первоначальное ускорение, камень этот, пущенный его умелой рукой, но будто обладающий собственной расчисленной судьбой, выжженный солнцем, мочимый лишь дождями, погружается, уходит в темную бездну, где будет миллион лет ждать, когда это море, испарившись либо отступив, вернет его на сушу еще на миллион лет, чтобы дать времени время выпустить на берег другого Жоакина Сассу, который, сам того не зная, повторит размах и бросок, и не стоит твердо заявлять: Не стану я этого делать, ибо твердости и надежности нет даже и в камне.

² Причину смерти (лат.).

На южном побережье в этот час кто-то напоследок окунается в еще теплое море, кто-то плавает, играет с мячом, подныривает под волну, или лежит на надувном матрасе, или, почувствовав, как побежали по коже первые мурашки приближающегося вечера, подставляет тело прощальной ласке солнца, которое задержится на горизонте на одну секунду – самую долгую, потому что мы глядим на него, а оно позволяет на себя глядеть. Но здесь, на северном пляже, где Жоакин Сасса сжимает в пальцах камень, такой тяжелый, что уже руки устали его держать, задувает холодный ветер, и солнце уже наполовину погрузилось в море, и даже чаек уже не видно над волнами. Жоакин Сасса швырнул камень, рассчитывая, что он пролетит лишь несколько шагов, ну разве что не у самых ног упадет, каждый из нас обязан трезво оценивать свои силы, хоть здесь и нет зрителей, которых позабавит незадачливый дискобол, он и сам готов над собой посмеяться, но вышло не так, как задумано: темный тяжелый камень взвился в воздух и плашмя упал в воду, отскочил, ударившись о поверхность ее, взлетел или подпрыгнул, как угодно, снова упал, снова подпрыгнул и улетел черт знает куда. Как же это так, подумал тогда в растерянности Жоакин Сасса, как это я, слабосильный, ухитрился зашвырнуть такой тяжелый камень так далеко в уже потемневшее море и как жаль, что никто этого не видел и некому сказать мне: Ай да молодец, Жоакин Сасса, это прямо для Книги Гиннеса, я свидетель, такое не каждый день бывает. Рассказать кому – не поверят. Поднялся из моря высокий фонтан вспененной, взбаламученной воды: это камень наконец упал в море, и от точки его падения пошли концентрические круги – всем нам с детства известно такое природное явление. Жоакин Сасса отскочил подальше, и волна, доплеснув до берега, бессильно замерла на песке, распалась, разложив на нем все принесенное с собой – раковины, клешни крабов, зеленые, красные, бурые волокна водорослей, лезвия ламинарий, морских звезд и медуз. А сколько же еще лет не увидит дневного света маленький камешек – обкатанный, так удобно лежащийся между большим и указательным пальцами?

Нелегкое это занятие – писать, нелегкое и в высшей степени ответственное: невероятных трудов стоит расставить в должном порядке и в должной очередности все события – это сначала, то потом – или, если дело того требует, рассказать сперва о происшествии сегодняшнем, а уж следом изложить событие вчерашнее и совершать иные, не менее головоломные акробатические штуки – представить прошлое так, словно оно разворачивается у нас на глазах, а настоящее – как некую протяженность без конца и без начала, – но, как бы ни изощрялись авторы, никому еще не удавалось разом записать два одновременно происходящих события. Кое-кто предложит, пожалуй, решить проблему просто – разделить страницу пополам, на две колонки, – но ведь это же, ей-богу, наивная уловка: все равно ведь придется писать одно сначала, а другое – потом, и не следует упускать из виду, что читатель и прочтет одно сначала, а другое – потом, или наоборот, и поневоле позавидуешь оперным певцам, у каждого из которых – своя партия, и все эти тенора и сопрано, басы и баритоны, сколько бы их ни было – трое, четверо, а хоть бы и шестеро, – одновременно ведут свою тему: злодей, например, издевается, а инженеру умоляет, а первый любовник, пусть и с промедлением вступая, но заступает, и у каждого – свои слова, хотя до слов слушателю особенного дела нет, ему важна лишь музыка, тогда как читателю все растолкуй, все расположи в надлежащей последовательности, чтоб одно не налезало на другое. Вот поэтому пришлось нам упомянуть сначала Жоакина Сассу, и лишь теперь пришел черед Педро Орсе, хотя Жоакин швырнул камень в море в тот же самый миг, когда Педро поднялся со стула, пусть за время, протекшее между двумя этими событиями, часовая стрелка и описала полный круг: все дело в том, что один был в Португалии, а другой – в Испании.

Известно, что у всякого следствия – своя причина, эта истина универсальна, но невозможно бывает избежать логических погрешностей, и не всегда узнаем мы, что из чего вытекает: думаем, что вот эта причина повлекла за собой такое-то следствие, а нет: причина была в ином, в том, что намного превосходит возможности нашего разума и науку, во всеоружии

которой, как нам кажется, мы пребываем. Вот вам пример: мы вроде бы показали, что серберские псы подняли лай оттого, что Жоана Карда вязовой палкой провела по земле черту, но лишь малое дитя в доверчивости своей – если еще не перевелись с золотого доверчивого века такие дети, – лишь невинный младенец – извините за плеоназм: какие там у него провинности, – одним словом, лишь неразумный ребенок, который надеется уловить солнце в сжатый кулачок, так вот, лишь он поверит, будто собаки, никогда прежде не лаявшие по причинам как исторического, так и физиологического порядка, способны подать голос. Но в десятках тысяч городов, деревень, сел, поселков и местечек в избытке отыщутся те, кто самих себя сочтет причиной чего угодно – и поднятого собаками лая, и всего прочего, что придет после: скажут, что произошло это оттого, что они хлопнули дверью, остригли ногти, сорвали плод с ветки, или закурили, или отдернули занавеску, или померли, или – ну не они же, разумеется, другие! – родились, и уж эти-то вот гипотезы насчет смерти и рождения ни в какие ворота не лезут, ибо необходимо иметь в виду, что говорить они должны от лица самих себя, а это одинаково трудно и тому, кто сию минуту появился из чрева матери, и тому, кто только что улегся во чрево земли. Не стоит и добавлять даже, что у любого хватит резонов считать себя причиной всего и вся – и тех странных явлений, о которых мы намереваемся рассказать, равно как и иных, где от нас якобы целиком и полностью зависит, будет ли мир функционировать исправно, а потому очень хотелось бы узнать, каков был бы он, мир этот, без людей и без событий, ими и только ими вызываемых, но лучше, право, и не представлять себе такое, не то совсем одуреешь, хватит и того, чтобы выжили всякие мелкие зверьки и насекомые, вот и будет мир муравья и мир стрекозы, они не отдергивают занавеску, не глядятся в зеркало. А конечная и великая истина состоит в том, что мир не может быть мертвым.

А Педро Орсе, набравшись отваги, сказал бы, что земля затряслась оттого, что он – пусть это самонадеянное предположение остается на его, ну и отчасти на нашей совести – топнул по ней ногами, поднимаясь со стула, ибо мы слегка сомневаемся, что если каждый человек оставляет в мире след своего присутствия, то Педро Орсе, заявивший: Встал я, и земля затряслась, оставил именно такой след. Интересное такое землетрясение, которого никто вроде бы и не заметил, и даже теперь, по прошествии двух минут, когда волна уже доплеснула до берега и Жоакин Сасса сказал себе: Расскажи я об этом, мне не поверят, земля продолжала содрогаться, как дрожит струна, уже не издавая никакого звука, и содрогание это Педро Орсе ощущает ступнями и продолжает ощущать, выйдя из аптеки на улицу, а вокруг никто ничего не замечает, ну в точности, как говорят, глядя в ночное небо: Ах, как ярко блещет вон та звезда, – и никому невдомек, что звезда погасла за миллионы лет до того, как говорящий произнес эти слова, а дети его и внуки будут, бедняги, повторять их, восхищенно называя мертвое живым, и заблуждение это относится не к одной только науке астрономии. Но в нашем случае все наоборот: люди поклялись бы, что земная твердь неколебима как прежде, и один лишь Педро Орсе уверен, что она ходит ходуном, и хорошо еще, что он промолчал, не бросился бежать в испуге, ибо стены не вздрогнули, люстра не качнулась, а осталась висеть ровно и строго перпендикулярно к земле, обитатели птичьего двора, первыми поднимающие тревогу, продолжали спокойно спать, сунув голову под крыло, и самописец сейсмографа по-прежнему вычерчивал на ленте миллиметровки безупречную горизонталь.

На следующее утро некий путник пересекал невозделанную пустошь, заросшую кустарником и всякими болотными дикими травами, шел по дорожкам и тропинкам, петлявшим меж деревьев, прекрасных и высоких, как имена, которые они носят, – тополя и ясени, – огибал заросли колючего чертополоха, пахнущего так по-африкански, и нигде бы не нашел он себе одиночества полнее, и неба – выше, неба, где с неслышным отсюда щебетом летела, сопровождая его, стая скворцов, да не стая, а целая туча, огромная и темная, наподобие грозовой. Он останавливался – и скворцы начинали кружиться над головой или же шумно рассаживались по деревьям, скрывались в трепещущей листве, и крона оглашалась пронзительными и неисто-

выми криками, будто там, внутри, кипела ожесточенная схватка. Делал следующий шаг Жозе Анайсо – ибо именно так звали его, – и скворцы все разом, дружно – фр-р-р-р – срывались следом. Если бы мы не знали, кто такой Жозе Анайсо, и принялись угадывать, то сказали бы, пожалуй, что он орнитолог или что, как змея, наделен властью и умением завораживать птиц, тогда как сам он не менее нас недоумевал по поводу творящегося в поднебесье фестиваля. Что нужно от меня этим пернатым существам? – и пусть не удивляют нас необычные слова: случаются такие дни, когда обычные как-то не выговариваются.

Путник шел с востока на запад, как вела его дорога, но, огибая глубокое озеро, свернул и оказался лицом к солнцу. К полудню начнет припекать, но пока еще дует прохладный и свежий ветерок, и жаль, нельзя спрятать его в карман, припасти на потом, на самый зной. Жозе Анайсо шел, и в голове его, будто сами собой, текли такие вот смутные мысли, как вдруг он заметил, что скворцы остались позади, улетели туда, где тропинка, изгибаясь, тянулась вдоль по берегу озера, то есть повели себя довольно странно, но, впрочем, недаром же говорится «волен как птица», счастливо оставаться, вам туда, а мне дальше. Жозе Анайсо, обойдя наконец озеро, на что ушло не менее получаса – путь был трудный, через бурелом и чащобу, – выбрался на прежнюю тропинку и двинулся прежним путем с восхода на закат, как солнце ходит, но тут внезапно вновь раздалось «фр-р-р-р», и, откуда ни возьмись появились всей стаей скворцы. Ну это уж вовсе не объяснимое явление. Если птицы поутру сопровождают путника, точно верный пес – хозяина, и дожидаются, пока он обойдет озеро, а дождавшись, вновь следуют за ним неотступно, то уж не его следует спрашивать о мотивах подобного их поведения, да и какие там у птиц мотивы – у них инстинкты, внезапно, будто сами собой возникающие и от воли не зависящие. Не станем также спрашивать Жозе Анайсо, кто он таков, чем занимается, откуда и куда направляется: все, что нужно будет о нем знать, от него и узнаем, и ту же сдержанность, ту же информативную скупость проявим и по отношению к Жоане Карде с ее вязовой палкой, к Жоакину Сассе и камню, который он забросил в море, к Педро Орсе и к стулу, с которого он поднялся, ибо жизнь человеческая начинается не с момента его рождения – в этом случае каждый день был бы днем побед и славных свершений, – а попозже, а иногда и совсем поздно, слишком поздно, не говоря уж о тех, кто, едва успев начать, тут же принужден и окончить, так что остается лишь вскричать: Ах, кто бы написал ту историю, которая могла бы случиться.

А теперь еще эта женщина со странным именем Мария Гуавайра, которая поднялась на чердак своего дома и, найдя там старый чулок – из тех старых и настоящих чулок, надежней, чем кубышка, хранящих отложенные на черный день деньги, символические сбережения, – в чулке же не обнаружив ничего, взялась распускать его – так, от нечего делать, чтобы руки занять да время убить. Минул час, за ним другой и третий, а длинная нить голубой шерсти продолжала разматываться, но чулок при этом вроде бы и не уменьшался, и загадка эта, присоединяясь к четырем другим, уже загаданным раньше, наводит нас на мысль о том, что хотя бы изредка содержимое бывает больше своего вместилища. Сюда, в этот тихий дом, не доносится рокот прибоя, не пролетает мимо, заслоняя на мгновение свет в окнах, стая птиц, собаки имеются, однако не лают, земля же если и дрожала, то перестала. А у ног Марии Гуавайры все растет гора пряжи. Эту женщину зовут не Ариадной, эта нить нас из лабиринта не выведет, скорее наоборот – благодаря ей мы заблудимся окончательно. Где же он, край, где конец?

Первая трещина появилась где-то в Альберийских горах, которые на западной оконечности сьерры плавно спускаются к морю, возникла на исполинском, гладко отполированном самой природой каменном плато, где сейчас бродят злополучные серберские псы. Упоминание о них вполне уместно и своевременно, ибо и место, и время связаны между собой, даже когда кажется, что нет между ними ничего общего. Один из этих псов, по кличке Ардан³, подобно

³ Ardent – пылкий, отважный (фр.).

прочим отлученный, как уже было сказано, от кормушки, а потому в силу жестокой необходимости принужденный воскресить в бессознательной памяти навыки далеких предков-охотников, дабы суметь схватить какого-нибудь отбившегося от своих крольчонка, услышал благодаря тончайшему слуху, которым одарена его порода, треск крошащегося камня и, не залавав оттого только, что был этой способности лишен, подошел к разлому, обнюхал его, раздув ноздри и вздыбив шерсть на загривке – в равной степени от любопытства и от страха. Будь Ардан человеком, тоненькая трещина напомнила бы ему линию, проведенную кончиком остро отточенного карандаша, вовсе не похожую на след, который оставила бы палка на твердой ли земле, в рыхлой ли и мягкой пыли или по грязи, решишь мы потратить время на такие вздорные сравнительные эксперименты. Но когда пес подобрался к трещине поближе, она раздалась вширь и вдаль, поползла, раздирая камень до самых краев этой самой плиты, в обе стороны и стала такой глубокой, что внутрь поместилась бы рука взрослого мужчины, если бы, конечно, случился поблизости мужчина столь отважный, чтобы определить параметры природного феномена. Ардан же беспокойно закружился на месте, однако не убежал, привлеченный видом этой змеи, у которой не было уже видно ни головы, ни хвоста, а потом впал в растерянность, не зная, оставаться ли ему во Франции или же махнуть в Испанию, отодвинувшуюся на три пяди. Но пес этот, слава богу, был не из тех, кто покорно примиряется с обстоятельствами, а потому он одним прыжком метнулся прочь от этой, с позволения сказать, пропасти, отдав предпочтение адской области, а узнать, какие искушения и мечты, какая тоска по родине обуревают собачью душу, нам не дано.

Вторая же – а для всего мира первая – трещина обнаружилась за много километров оттуда, у Бискайского залива, неподалеку от печально памятного нам по истории Карла Великого и его двенадцати пэров Ронсевалья, где пал граф Роланд, напрасно трубивший в свой рог Олифант, зовя подмогу, – ни любовь далекой Анжелики, ни верный меч Дюрандаль не спасли его от гибели. Там, спускаясь вдоль северо-восточного отрога горной гряды Абоди, течет, беря исток во Франции, река Ирати, впадающая в испанскую реку Эрро, впадающую в Арагон, в свою очередь впадающий в Эбро, а уж та, в конце концов, несет все их воды в Средиземное море. В долине на берегу Ирати стоит город Орбайсета, а выше по течению построена плотина.

Теперь самое время сообщить: все, что здесь рассказывается или будет рассказано, – чистая правда и может быть подтверждено с помощью любой карты, – разумеется, достаточно подробной, чтобы содержать в себе данные, кажущиеся на первый взгляд такими незначительными, ибо достоинство карты в том, собственно, и заключается, что показывает она потенциальные, покуда еще не использованные и не востребованные возможности пространства, как бы предвидя, что на этом пространстве может произойти все что угодно. И происходит. Мы уже поведали вам о судьбоносной вязовой палке, мы уже доказали, что камень, взятый с той точки на берегу, куда не дотягивается даже самый сильный прилив, способен все же попасть в море или вернуться из него, а теперь настал черед Орбайсеты, горного наваррского городка, чье дремотное спокойствие, сменившееся ненадолго и много лет назад благодатным оживлением, вызванным строительством плотины, теперь нарушено вновь. На несколько дней стал он болевой точкой Европы, если не всего мира, туда съезжались члены правительств, политики, начальство военное и гражданское, фотографы и географы, генералы и минералы – тьфу! – минералоги, геологи, теле- и кинооператоры, инженеры всех видов и любой масти, представители власти, геодезисты неказисты – ох нет, наоборот. На краткий срок процвел славой городок Орбайсета, лишь на несколько дней, лишь чуть дольше, чем цветет, скажем, чертополох, но, впрочем, какого черта приплели мы сюда этот сорняк? – в сторону его: речь не о черто-, а о переполохе вокруг Орбайсеты, возникшем и вскоре стихшем, что лишний раз подтверждает, сколь преходяща она, мирская-то слава, gloria то есть мунди.

Во всей мировой истории не случилось еще ни разу, чтобы река, спокон веку текшая по своему руслу, течь вдруг переставала, как будто кран завернули; продолжим сравнение –

представьте себе, что некто мыл руки в раковине, вымыл, выдернул затычку, закрыл кран, вода побурлила немного у стока и исчезла, а капли, остававшиеся на эмалированных стенках, – испарились. Попросту говоря, воды реки Ирати ушли, отхлынули, наподобие морской волны, набегающей на береговой урез, исчезли и обнажили дно, а на дне – камни, ил, тину, всякие водоросли и бьющихся, судорожно зевающих, гибнущих рыб. Стало тихо.

Инженеров на месте этого невероятного происшествия не случилось, но они поняли, что творится что-то ненормальное, когда стрелки приборов на пульте засвидетельствовали резкое падение уровня воды – река перестала снабжать водохранилище. Трое специалистов на джипе отправились посмотреть, в чем дело, и по дороге, проложенной по берегу, вдоль плотины, строили разнообразные версии, благо ехать надо было километров пять, так что время для этого было, и по одной из них, где-то в горах произошел обвал или сошел селевой поток, что и изменило течение реки, а по другой – что это типично галльское коварство, все французы гадят, несмотря на двустороннее соглашение о совместном использовании гидроресурсов, а по третьей, самой смелой из всех, – что иссяк источник, кладезь, ключ, казавшийся да не оказавшийся вечным. Мнения по этому вопросу разделились. Одному из инженеров, человеку по натуре тихому и склонному к созерцательности, очень нравилось жить в Орбайсете, и он боялся, как бы теперь его не услали куда-нибудь еще. Двое других, напротив, потирали руки от удовольствия, предвкушая перевод на одну из ГЭС по реке Тахо, неподалеку от Мадрида и его Гран-Виа. Обсуждая все эти чаяния и возможности, доехали до той точки, где река впадала в водохранилище, однако никакой реки не обнаружили – вместо нее по уже высохшему руслу текла хилая струйка грязноватой и мутной от ила водицы, которой и бумажный кораблик нести было бы не под силу. Куда, к дьяволу, река запропастилась? – молвил водитель джипа, и нельзя было сформулировать проблему выразительней и точней, ибо разом прозвучали в этом слове и «пропа́сть», и «про́пасть». В растерянности, замешательстве, смятении и тревоге инженеры принялись было вновь обсуждать между собой вышеперечисленные гипотезы, но затем, осознав полнейшую тщету дальнейшей дискуссии, вернулись на ГЭС, а оттуда отправились в Орбайсету, где их ждал весь синклит местных властей, уже оповещенных о таинственном исчезновении реки. Посыпались язвительные и недоуменные вопросы, начались звонки в Памплону и в Мадрид, и результатом этих изнурительных трудов явился очень простой, из трех логично вытекающих один из другого пунктов, приказ: Подняться вверх по течению до истока; установить, что произошло; ничего не говорить французам.

На следующий день, еще затемно, экспедиция отправилась в путь, в сторону границы, держась поблизости от пересохшей реки или держа ее, по крайней мере, в поле зрения, и, добравшись до истока, поняли истомленные переходом инспекторы, что Ирати, видимо, приказала долго жить. Воды реки, ревя, как маленькая Ниагара, через трещину шириной никак не больше трех метров низвергались под землю. По другую сторону расщелины уже стояли кучкой французы – верхом наивности было бы хоть на миг усомниться, что природный феномен ускользнет от внимания быстрых разумом, исполненных острого галльского смысла картезианцев, – по виду сбитые с толку и обескураженные не меньше испанцев, толпившихся по эту сторону: те и другие стали братьями во невежестве. Завязалась беседа, которая, однако, не была ни пространной, ни полезной и состояла главным образом из междометий, выражавших вполне законное недоумение, да из новых предположений, робко высказанных испанцами, и проникнута была всеобщим раздражением, не находившим себе достойного объекта. Французы, впрочем, вскоре уже заулыбались – река до границы, как и прежде, принадлежала им, и карту можно было не перекраивать.

В тот же день вертолеты обеих стран облетели место происшествия, засняли его, зависли над ним, спустив на веревочных лестницах наблюдателей, которым наблюдать было решительно нечего, кроме черного разлома и блистающего потока уходящей в него воды. Для того чтобы был хоть какой-нибудь прок, городские власти Орбайсеты и сопредельного француз-

ского Ларро устроили встречу в палатке, разбитой по такому случаю на границе и украшенной флагами – сине-бело-красным французским, желто-красным испанским и наваррским, красным с золотой цепочкой, – дабы всесторонне изучить, какие возможности открывает для развития туризма это уникальное природное явление и как следует использовать их ко взаимной выгоде. Учитывая недостаточный объем и однозначно случайный характер представленных для анализа материалов, высокое собрание, не выработав документа, строго определяющего права и обязанности сторон, ограничилось тем, что постановило создать смешанную комиссию, которой и поручило в кратчайшие сроки сформулировать круг вопросов, подлежащих обсуждению на следующей, уже вполне официальной встрече. Впрочем, в последнюю минуту совсем уж был достигнутый консенсус подвергся угрозе – причем одновременной – со стороны Мадрида и Парижа в лице соответствующих представителей постоянной комиссии по пограничным конфликтам. Эти господа вдруг задались серьезнейшим вопросом: Как и откуда мы узнаем, на чью территорию выходит образовавшееся отверстие – во Францию или же в Испанию? Мелочь, казалось бы, не заслуживающий внимания пустяк, однако по зрелом размышлении и после приведенных разъяснений щекотливость ситуации стала для всех очевидной. Сомнению, разумеется, не подлежало, что в настоящее время река Ирати протекает исключительно во владениях Французской республики, а именно – по территории департамента Нижние Пиренеи, но если разлом целиком выходит в провинцию Наварра, принадлежащую испанской короне, переговоры должны быть продолжены до тех пор, пока каждая из сторон не получит причитающуюся ей и равную долю. Перед лицом изменившейся ситуации представители властей прибегли про запас самые сокрушительные аргументы в свою пользу и сошлись на том, что будут вести консультации, чтобы разрешить этот важнейший вопрос к обоюдному удовлетворению. А министерства иностранных дел Испании и Франции в трудолюбиво выстраданном, гладко выструганном совместном документе заявили о неукоснительном намерении продолжать переговоры в рамках вышеназванной постоянной комиссии, в состав коей, естественно, должны быть включены специалисты по геодезии.

В это самое время появились геологи – в большом количестве и богатом национальном ассортименте. Между Орбайсетой и Ларро и прежде уже бродило их сколько-то, а ныне пришло целое полчище ученых местных и чужеземных – специалистов по толчкам, пластам, сдвигам и смещениям, – которые принялись обстукивать своими молотками все, что было или казалось камнем. Французский журналист, беспечный циник Мишель, сказал своему испанскому собрату, сосредоточенному Мигелю, уже успевшему сообщить в Мадрид, что трещина – аб-со-лют-но испанская, а если быть точным в смысле географическом и национальном – наваррская: Да заберите вы ее себе, – да, именно так выразился нахальный француз, – если она вам так нравится и вы без нее жить не можете, у нас в Сирк-де-Гаварни водопад есть, четыреста двадцать метров высоты, так что эта наизнанку вывернутая артезианская скважина нам даром не нужна. Мигель не нашелся, что ответить, а ведь мог бы – мог бы возразить, что и с испанской стороны Пиренеев водопадов в избытке, высоченных и красивых, эка невидаль – водопад под открытым небом, они все одинаковые и открыты для всеобщего обозрения, тогда как у трещины Ирати – вот в чем дело-то – дна не видно, где конец – неизвестно, и в этом ее сходство с нашей жизнью. Тут встрял в разговор еще один их коллега, мимоезжий галисиец – они всегда мимо ездят, – он и задал вопрос, которого только и не хватало: Куда же идет эта вода? В это время, сухо и резко треща, разгоралась научная перепалка между учеными геологами из обеих заинтересованных стран, а потому вопрос, подобный появлению застенчивого ребенка среди взрослых, услышан был лишь пишущим эти строки. И спрошено было по-галисийски, то есть скромно и робко, и поначалу заглушено галльским звоном, кастильским громом, но потом другие повторили вопрос, взяв себе славу первооткрывателей – малые народы вечно затирают, и это не мания преследования, а историческая очевидность. Ученая дискуссия же стала вовсе недоступной пониманию профанов, но все же можно было уловить, что

сталкивается – сперва непримиримо, а потом и вовсе враждебно – доктрина моногляциологическая с доктриной полигляциологической, это в точности как религии – бывает единобожие, бывает многобожие. Кое-какие заявления заслуживали внимания – ну вот хоть насчет деформаций, природа которых обусловлена либо тектоническими сдвигами, либо – как же мы сами не догадались? – изостатикой, вообразите, компенсаторной эрозии. Более того, исследование пород позволяет утверждать, что горная цепь относится к молодым – в геологическом, разумеется, смысле – горам. Все это, весьма вероятно, обусловило появление трещины – ясно же, что гора, столь часто подвергаемая такому напору изнутри, в один прекрасный день не выдержит и уступит, расколется, развалится либо – в лучшем и данном случае – треснет. Геологи ничего не знали о каменной плите в Альберийских горах, никогда ее не видели – она была далеко отсюда, на одиноком скалистом утесе, туда и близко никто не подходил. А пес по кличке Ардан погнался за крольчонком и не вернулся.

Через два дня, когда отправились члены комиссии по урегулированию пограничных споров «в поле» мерить теодолитами, смотреть в таблицы, считать на калькуляторах и сопоставлять с данными аэрофотосъемки результаты своих трудов, коими французы остались очень недовольны, ибо уже не было сомнений: расщелина, как заявил первопроходец Мигель, принадлежит Испании, – разнеслась неожиданная весть о новой трещине. Про тихую Орбайсету и вовсе забыли, не вспоминали больше о разрезанной пополам речке Ирати и о Наварре – и еще раз воскликнем мы: *Sic transit gloria mundi!* Перелетная стая журналистов, среди которых были особи обоего пола, снялась и приземлилась на Восточных Пиренеях, в критическом, хотя, слава богу, более доступном регионе, так что спустя несколько часов там собралась невероятная уйма пишущей братии, включая прибывших даже из Тулузы и из Барселоны. Автострады были забиты наглухо, а когда полиция обеих стран догадалась пускать машины в объезд, было уже слишком поздно – на многие километры растянулась громаднейшая пробка, воцарился рычащий и гудящий хаос, и пришлось, идя на суровые меры, заворачивать все это стадо назад, и передать невозможно, сколько было при этом повалено изгородей, сколько машин свалилось в кювет, словом, ад кромешный, и правы были древние греки, расположив его некогда именно в этом месте. Очень пригодились вертолеты, железные эти стрекозы, способные садиться где угодно, а если уж совсем негде – уподобляться колибри, то есть, снизившись до самой земли, зависать неподвижно: пассажирам и лесенка не нужна, прыг – и готово, и они попадают прямо в венчик цветка, между пестиком и тычинкой, и вдыхают аромат, хоть он и перемешивается нередко со смрадом горелого человеческого мяса и вонью напалма. Вот бегут они, пригнув головы, скоро увидят, что же тут стряслось, кое-кто прибыл прямо с берегов Ирати, стало быть, уже имеет представление о тектонических сдвигах, но тут – дело другое.

Трещина, перерезав магистраль и всю здоровенную площадку автостоянки, уходит, постепенно сужаясь в обе стороны, по направлению к долине, змеею вьется вверх, петляет по склону горы и исчезает в чаще леса. Мы находимся на самой что ни на есть границе, стоим на демаркационной линии, на ничейной земле, на нейтральной полосе, расположенной между полицейскими постами двух стран, и над одним полочется *la bandera*, а над другим соответственно – *le drapeau*⁴. Благоразумно не подходить к трещине слишком близко, поскольку не исключена возможность того, что края этой раны на поверхности земли будут расходиться и дальше, власти и специалисты ведут беседу бесцельную и бессмысленную, впрочем, «беседа» – слишком громко сказано, хоть и громко звучит этот усиленный мегафонами гомон, а самые главные и ответственные лица, зайдя внутрь постов, разговаривают по телефону – друг с другом, с Парижем, с Мадридом. Едва высадившись, журналисты принимаются расспрашивать, как же дело было, и выслушивают в ответ одну и ту же историю, пусть и в нескольких версиях и вариантах, которым суждено будет обогатиться за счет собственной фантазии пишущих. Если

⁴ Флаг (исп., фр.).

же изложить самую суть, то первым заметил происшествие некий автомобилист, проезжавший здесь уже глубокой ночью, в темноте: почувствовав резкий толчок, от которого машину подкинуло, словно колеса попали в глубокую выбоину, он притормозил, вылез посмотреть, что такое, решив, что идут дорожные работы, покрытие меняют, а обозначить место фонарями и знаками забыли. Трещина тогда была полпяди в ширину и метра четыре в длину. Водитель – он оказался португальцем по фамилии Соуза и вез в машине жену, тестя и тещу – снова сел за руль и сказал: Похоже, мы уже на родине, вон в какую здоровенную колдобину въехали, запросто амортизаторы могли накрыться и полуось выбить. Это, как вы понимаете, была никакая не колдобина и тем более не здоровенная, но слова прозвучали удивительно кстати, слова вообще помогают, снимают напряженность, гасят страхи и стрессы. Жена, не обратив особого внимания на эти важные сведения, в ответ сказала лишь: Ну надо же, – и муж решил последовать этому совету, хотя фраза супруги совета, пусть и в кратчайшем виде, не содержала вовсе, а была лишь ничего не значащим междометием, но он ухватился за слово «надо» и снова вылез из машины, осмотрел рессоры и видимых повреждений, к счастью, не обнаружил. Спустя всего несколько дней он в своей Португалии станет почти национальным героем, будет выступать по телевидению и радио, раздавать газетные интервью: Вы, сеньор Соуза, были первым, кто; не поделитесь ли своими впечатлениями, – и бесчисленное количество раз повторять эту историю, уснащая ее риторическим вопросом, от которого озноб пробирал слушателей, и сам он чувствовал дрожь, присущую высшей точке блаженства: Если бы трещина была такой величины, как сейчас, неужели мы бы ухнули туда, бог знает на какую глубину? – то есть более или менее точно повторил слова того галисийца, что спросил, если помните, куда же идет эта вода.

Да, вот в чем вопрос: куда? В числе первоочередных мер следовало прозондировать эту рану земли, установить ее глубину, после чего очертить круг действий, призванных заделать брешь – словечко звучит совсем по-французски, точно и выразительно, так что невольно приходит на ум, что оно и было изобретено в чаянии того момента, когда треснет земля. Тотчас прозондировали почву и определили, что глубина расщелины составляет немногим более двадцати метров – сущие пустяки для современной техники, которой вооружена передовая инженерная мысль. И вот из Франции и из Испании, из близи и дали своим ходом двинулись к месту разлома бетономешалки, интересные такие машины, проделывающие с землей во чреве своем примерно то же, что происходит с Землей в космосе, подвергающие ее тем же вращениям и перемещениям, а по прибытии в назначенный пункт вываливающие строго отмеренные потоки цемента, отличного, быстро схватывающегося цемента, куда по такому случаю добавили побольше крупного щебня. Совсем уж было собрались опорожнить все это в разверстую рану земли, когда в чью-то пытлиую и изобретательную голову пришла мысль стянуть вначале ее края стальными скобами – в точности так, как исцеляли в Средневековые раны телесные, – что будет способствовать рубцеванию и скорейшему заживлению. Мысль понравилась двусторонней чрезвычайной комиссии, испанские и французские металлурги тотчас принялись за предварительные исследования и расчеты, чтобы изготовить «кошки» должной прочности и нужной конфигурации, но утомлять вас техническими подробностями я не стану. Трещина проглотила пепельно-сизый поток щебенки и раствора, словно это были воды реки Ирати, уходящие в недра земли, только и слышно было гулкое эхо, как будто – пришлось допустить и такую возможность – там, внизу, находится исполинское дупло, некая полость, какая-то ненасытная утроба. Ну, если так, смекнули инженеры, надо свернуть работы, смысла нет продолжать, а лучше проложить над расщелиной путепровод, это будет и проще, и экономичней, пригласим-ка итальянцев, они доки по части дуков – что акве-, что виа-. Однако, не знаю уж, после которой по счету тонны или которого кубометра, замеры показали, что дно – на шестнадцать метрах, потом на пятнадцати, на двенадцати, и уровень бетона стал повышаться да повышаться, битва была выиграна. На радостях обнялись техники, инженеры, работники и полицейские, взметнулись флаги, теледикторы, волнуясь, прочли последние сообщения

и дали собственный комментарий этому беспримерному титаническому свершению, знаменующему истинную интернациональную солидарность – ведь даже маленькая Португалия в общем порыве выслала колонну из десяти бетономешалок, и они уже направляются сюда, впереди у них свыше полутора тысяч километров долгого и трудного пути; когда они прибудут, их бетон не понадобится, но, перефразируя поэта, скажем: да не в бетоне сила! История занесет на свои скрижали их поступок, исполненный глубокого символического значения.

Когда же последние ковши бетона заровняли то место, где была трещина, всеобщее ликование достигло степени массового психоза, словно на ежегодном празднестве в честь какого-нибудь святого, с шествием богомольцев и фейерверком. Воздух оглашался беспрестанным воем клаксонов, и водители цементовозов тоже изо всех сил жали на свои *avertisseurs* и *bocinas*⁵, вплетая их могучий хриплый рев в общую симфонию, а над головами воплощением высших сил, боевыми единицами небесного воинства, прямо-таки некими серафимами порхали вертолеты. Ежесекундно вспыхивали блицы фотоаппаратов, телеоператоры пробирались к окраинам несуществующей более трещины и брали крупным планом то их, то неровную бетонную кляксу, наглядно доказывавшую: человеческий гений восторжествовал над взбрыком природы. И в этот миг зрители, удобно и безопасно расположившиеся у своих телевизоров за много миль отсюда, смотревшие прямую трансляцию того, что происходило на француско-испанской границе, смеявшиеся от радости и рукоплескавшие так, словно это они свершили подвиг, вдруг увидели, как нашлапка еще сырого бетона вдруг дрогнула, подалась и стала оседать, как будто что-то медленно, но с неодолимой силой всасывало ее в себя, потом исчезла, и на ее месте вновь возникла зияющая щель. Она не увеличилась в размерах, и это могло означать только одно – дно ее находится не на двадцатиметровом уровне, а гораздо ниже, а где именно – одному богу известно. Телерепортеры вначале попятнулись в испуге, но затем, верные профессиональному долгу, ставшему второй натурой и чуть ли не условным рефлексом, вновь принялись снимать, и подрагивавшие камеры запечатлели искаженные лица, отхлынувшую в панике толпу, донесли до всего мира восклицания и крики. Началось всеобщее бегство, и меньше чем через минуту на опустевшей автостоянке остались только брошенные грузовики – двигатели у иных были включены, и бетономешалки продолжали вращаться, готовя новые порции раствора, который три минуты назад стал ненужным, а мгновение спустя – бесполезным.

Вот тогда впервые, пожалуй, холодок страха прополз по хребту Пиренейского полуострова и его европейских соседей. В городке Сербере, расположенном совсем близко, люди в ожидании землетрясения повыскакивали из домов на улицу, в точности как немногим ранее – их псы, и говорили друг другу: В книгах возвещено – когда залают собаки, наступит конец света, хотя дело обстоит не совсем так, ни в каких книгах этого в помине нет, но в грозные минуты нам всегда почему-то требуются громкие слова, а эти – «В книгах возвещено» – неведомо почему и по какому праву занимают почетное место в подобных цитатниках. Жители Сервера, у которых оснований опасаться грядущих бедствий было больше, чем у кого-либо еще, стали покидать свой город, толпами устремясь туда, где почва казалась им попрочнее, надеясь, что светопреставление так далеко не зайдет. В Банюль-сюр-Мер, Пор-Вандре, Коллиуре, если говорить только о прибрежных поселениях, не осталось ни одной живой души. Что же касается мертвых, то они именно оттого, что уже были покойниками, по-прежнему пребывали в том ничем не возмутимом покое, который и отличает их от всего прочего человечества, а если кому-нибудь вздумается заявить обратное – дескать, Фернандо явился к Рикардо⁶, причем один был мертв, а другой жив, – то это следует счесть плодом воспаленного воображе-

⁵ Гудки (*фр., исп.*).

⁶ Одним из двойников-«гетеронимов» португальского поэта Фернандо Пессоа (1888–1935) был Рикардо Рейс. Жозе Сарاماго сделал его главным героем своего предыдущего романа – «Год смерти Рикардо Рейса», – на страницах которого происходит встреча вернувшегося из Бразилии Рейса со своим создателем – Ф. Пессоа, к моменту описываемых событий уже покойным.

ния и ничем иным. Впрочем, один из усопших – дело было как раз в Коллиуре – заворочался немножко, словно в сомнении – идти, не идти? Но уж если идти, то не в центральную часть Франции – а куда именно он попал, мы, быть может, в свой срок узнаем⁷.

В море статей, заметок, комментариев, репортажей о заседаниях разнообразных «круглых столов», заполонившем страницы газет и волны эфира, почти незамеченной осталась краткая реплика одного сейсмолога-ортодокса: Мне очень хотелось бы знать, почему все это происходит, а землетрясения нет? – на что другой сейсмолог, принадлежащий к современной школе, более прагматичной и гибкой, немедля откликнулся: В свое время мы удовлетворим ваше любопытство. Впрочем, житель одной деревушки на юге Испании, осведомясь об этих ученых разногласиях, совсем уж было собрался в Гранаду, чтобы сообщить господам с телевидения, что земля под ним трясется вот уже восьмой день, и отказался от своего намерения исключительно из опасений, что все равно ему никто не поверит, да и где это видано, чтобы простой, обыкновенный человек был чувствительнее к толчкам и колебаниям, чем все сейсмографы мира, вместе взятые. Судьба ли распорядилась, чтобы какой-то местный журналист взял да и прислушался к его словам, ощутил ли этот журналист прилив благожелательности, человек ли этот показался ему симпатичным, случай ли – слишком необычным, но, так или иначе, в вечернем выпуске теленовостей прошла информация об этом феномене, правда, вместо фотографии сопроводили ее снисходительным смешком ведущего. На следующий же день португальское телевидение за неимением собственного материала воспользовалось этой темой, развернуло ее, пригласив в студию специалиста по паранормальным явлениям, который, однако, ясности не внес и объяснений не дал, о чем можно судить по его важнейшему заявлению: Как и во всех остальных случаях, все зависит от степени восприимчивости.

Много уже было говорено на этих страницах о событиях и о причинах, их породивших, говорено вдумчиво и рассудительно, с соблюдением законов логики и с опорой на здравый смысл, ибо всякому должно быть ясно и понятно, что бочку в бутылку не перельешь. А потому вопиющим вздором и сущей дичью выглядит предположение, будто прямой и непосредственной причиной того, что треснули Пиренеи, была черточка, проведенная по земле вязовой палкой, которую держала в руке некая Жоана Карда, – помните, в самом начале нашего повествования был на этот счет сделан намек? И все же не отвергайте с порога ни упомянутого частного факта, ни всей истины, заключающейся в том, что отправился Жоакин Сасса на поиски Педро Орсе, чтобы от него услышать о событиях той ночи и о том, что он сказал ему.

Любящую мать, Европу, встревожила судьба ее западных окраин. На всем протяжении пиренейской горной цепи трескался гранит, множились расщелины, перерезая новые и новые магистрали, отводя течение рек и ручьев в недра земли, в неведомые и невидимые глубины. С воздуха было видно, что в тех местах, где заснеженные вершины гор рассекает стремительная черная линия, похожая на цепочку рассыпанного пороха, происходит беззвучный сход лавин, бесследно исчезает снег. В небесах, озирая пики и плато, хребты и плоскогорья, без устали шныряли вертолеты, набитые учеными и специалистами всех видов, какие только могли бы пригодиться в данных обстоятельствах, – геологами, имевшими законное право заниматься этими проблемами, хоть их поле деятельности и заполонили ныне коллеги из смежных областей знания; сейсмологами, озабоченными прежде всего тем, что земля по-прежнему не обнаруживала никаких признаков трясения – даже не вздрогнула ни разу, ни малейшей вибрации, – вулканологами, надеявшимися, что и они пригодятся. Небо было чистым, ни дыма, ни пламени не замечалось в безмятежно ясной августовской лазури, а цепочка порошинок приплетена сюда исключительно для сравнения, зачем же воспринимать его и другие выразительные средства

⁷ После поражения республиканцев испанский поэт Антонио Мачадо (1875–1939) бежал во Францию и умер вскоре после перехода границы. Похоронен в городе Коллиуре.

буквально? Не в силах человеческих было помочь Пиренеям, которые без видимых мук и страданий вдруг лопнули, как переспелый гранат, и потому только – да кто мы такие, чтобы судить об этом, и дано ли нам это знать? – что созрел этот плод, пришло его время. Спустя лишь двое суток после того, как Педро Орсе сообщил телевизионщикам уже известное нам, стало невозможно добраться от атлантического побережья до средиземного по суше – ни пешком, ни верхом, ни на поезде. А в низменных краях, по обеим оконечностям полуострова, океан и море стали теперь вливаться в новые, неведомые прежде бухты и заливы, остроконечные скалистые берега которых делались все выше, все более отвесными, будто по линейке прочертили вертикальную линию, и гладкий, как отполированный, срез показывал древние и новые геологические пласты и напластования, синклинали⁸, глинистые отложения, исполинскую чечевицу известняков, слоеное тесто песчаников и сланцев, черные кремниевые вкрапления, гранит и многое-многое другое, о чем упоминать не будем за недостатком времени и удовлетворительного знакомства с вопросом. И вот теперь стало наконец понятно, что следовало бы ответить тому галисийцу, который спросил: Куда же девается вся эта вода? В море идет, – могли бы мы сказать ему сейчас, – мельчайшим дождем, водяной пылью, водопадами – в зависимости от того, с какой высоты и сколь бурно текла эта река, нет-нет, речь не об Ирати, она – далеко, но, пари держу, все там станет как всегда, придет в соответствие с тем, что нам привычно и известно: заиграют блики на водной глади, может, и радуга вспыхнет, когда солнцу удастся проникнуть в эти сумрачные глубины.

В радиусе ста километров по обе стороны границы люди покидали свои жилища, торопясь укрыться в относительной безопасности внутренних районов, и особенно незавидной сделалась участь Андорры, о которой мы позабыли упомянуть, и если бы не эта наша и не только наша извечная и непростительная оплошность, малые страны, глядишь, могли бы стать побольше. Поначалу вообще не знали, где же остановится разлом и остановится ли вообще, ибо полз он во все стороны разом, не признавая границ, а каждый из местных жителей – испанцев, французов и граждан Андорры – тяготел к своим соплеменникам, руководствовался сиюминутными соображениями и расчетом, отчего и нависла угроза над целостностью семей и прочими, извините, ячейками общества. Когда же линия разлома наконец установилась как раз на границе с Францией, несколько тысяч жителей были эвакуированы из зоны бедствия по воздуху, и эта блестящая операция получила кодовое название «Епископская митра», что вызвало у епископа Юржельского, невольного ее вдохновителя, сильное неудовольствие, которое, впрочем, не сумело отравить радость архипастыря от того, что он в будущем останется единственным и полновластным духовным владыкой этих земель, если, конечно, лишившись естественной опоры со стороны Испании, те не обрушатся в море. В полосе отчуждения, возникшей после всеобщей эвакуации, бродили теперь, рискуя жизнью, только особые отряды, перебрасываемые туда вертолетами, готовыми в любую минуту, при появлении первых же признаков какой бы то ни было геологической нестабильности эвакуировать личный состав – хорош военный язык, а? – да мародеры, которые при начале всяких бедствий неизбежно выползают из своих нор, а может, вылупляются из змеиных яиц и устремляются в районы катастроф, как мухи на мед, и тут оказывается – влипли, ибо военные, застигнув кого-нибудь из злоумышленников на месте преступления, на месте же их и кончают, так что мародеры тоже рисковали жизнью и молились каждый своему богу: всякое человеческое существо вправе уповать на милосердие и защиту со стороны того, в кого верует, а в виде оправдания им скажем все же, что бросивший собственный свой, родной дом недостоин делается жить в нем и пользоваться предоставляемыми им благами, а кроме того, справедлива пословица: «Как пшеницу клевать,

⁸ Синклиналь – складка слоев горных пород, обращенная выпуклостью вниз. Внешняя часть ее образована более ранними отложениями, внутренняя – более поздними.

так все тут, а как ответ держать, так один воробей», и пусть каждый из вас сам решает, соответствует ли всеобъемлющая народная мудрость данному конкретному случаю.

Здесь уместно будет в очередной раз посетовать, что наше правдивое повествование – не оперное либретто, ибо в этом случае мы бы выпустили на сцену сразу двадцать лирических теноров, драматических баритонов и колоратурных сопрано, и все они, то поочередно, то в унисон, повели бы свои партии, а вы в итоге узнали бы, как заседали испанское правительство и португальский кабинет министров, как оборвались линии энергопередач, какое заявление сделал Европейский союз, какую позицию занял блок НАТО, какая паника началась среди туристов, как с боем брали места в самолетах, как в результате диких заторов безнадежно закупорились шоссе и автостреды, как повстречались Жоакин Сасса и Жозе Анайсо и как потом встретились они оба с Педро Орсе, какое беспокойство обуяло испанских быков и португальских кобыл, какая тревога охватила средиземноморские курорты, какое беспорядочное бегство началось из богатых и славных столиц: пожалуй, еще немного – и двадцати певцов нам не хватит. Люди любознательные, не говоря уж о недоверчивых скептиках, несомненно, пожелают осведомиться о том, что послужило причиной такого множества столь разнообразных и столь серьезных событий, – им, видимо, недостаточно веской причиной кажется, что треснул и расселился горный хребет, что реки обратились в водопады, что моря, на протяжении миллионов лет отступавшие от суши, теперь на несколько километров придвинулись к ней. Но тут, в этой роковой точке, перо мое невольно замедляет свой бег, ибо я, право, теряюсь, не зная, как облечь в приемлемую форму нижеследующие строки, ибо они окончательно и бесповоротно поставят под сомнение достоверность излагаемых мною событий, тем более что и так становится все труднее не запутаться, если это вообще возможно, между правдой и фантазиями. Но раз взялись, надо договаривать, а заминка пусть объясняется безмерностью усилий, которые надо приложить, чтобы преобразовать словом то, что, в сущности, лишь словом и может быть преобразовано, и признаем, что пришел наконец момент сообщить вам нечто невероятное – Иберийский полуостров вдруг, весь разом и целиком, отделился от материка метров на десять; сверху донизу раскололись Пиренеи, словно пал с заоблачных высот исполинский невидимый топор, глубоко врезался в них, рассек до самого основания, сдвинув глыбу земли и камня в море. И вот теперь и в самом деле можно вновь увидеть реку Ирати – бесконечной, тысячеметровой блистающей лентой она низвергается в свободном полете вниз, подставляя себя ветру и солнцу, переливаясь, словно хрустальное опахало, играя всеми красками и цветами, словно хвост райской птицы: это вознеслась над пропастью первая радуга, и закружилась голова у первой чайки, чьи распростертые крылья окрасились семью цветами.

Проходит время, путаются в памяти события, едва ли не напрочь стираются различия между истиной единственной и множеством истин других – а ведь как ясна, цепка и безгранична была она прежде! – и тогда, желая получить то, что мы с таким самомнением обозвали «фактической достоверностью», мы обращаемся за помощью к свидетельствам эпохи, к документам, газетным статьям, видеозаписям и кинохронике, к личным дневникам, к полуистлевшим папирусам и пергаментам, особенно ценя палимпсесты⁹, мы расспрашиваем выживших и доживших и, отвечая на доверие доверчивостью, стараемся поверить тому, что видел и слышал в детстве глубокий старец, и пытаемся вывести из всего этого умозаключение, и в отсутствие непреложных доказательств принимаем как данность заведомый вздор, вроде того, что, даже когда оборвались линии электропередач, подобного страха на полуострове не было, хотя недавно нам было сообщено совершенно обратное – возникла паника, но не будем придирааться к словам: страх – одно, а паника – совершенно другое, калибр не тот. Разумеется, многим живо врезалось в память, как под крики «Ура!» и «Победа!», на глазах у тех, кто выпускал эти ликующие вопли, всосала в себя черная трещина кубометры бетона, но этот драматический

⁹ Палимпсест – древняя рукопись, написанная на пергаменте после того, как с него счищен прежний текст.

эпизод по-настоящему потряс лишь видевших его собственными глазами, а другие наблюдали его издали, у себя в квартире, в партере домашнего театра, перед заменяющим сцену прямоугольным телеэкраном, этим волшебным фонарем, где одна картинка бесследно смывается другой и все происходит как бы вполнакала, под сурдинку. И даже те, в ком еще не совсем остыли чувства – есть все же еще и такие, – те, кто из-за суших пустяков готов пустить слезу и судорожно сглатывает комок в горле, даже они, когда становится неважно смотреть на голод в Эфиопии и на прочие ужасы, научились отводить глаза. Помимо всего прочего, не следует забывать и о том, что на весьма обширных пространствах полуострова, в самой глубокой его глубинке, куда не приходят газеты и где больших трудов стоит уразуметь, о чем толкуют в телевизоре, живут миллионы – да-да, – миллионы людей, которые либо вовсе не понимают, что творится, либо имеют об этом самое смутное и расплывчатое представление, состоящее всего лишь из слов, понятых хорошо если наполовину, а то и того меньше, представление столь зыбкое и неопределенное, что человек, право, не видит большой разницы между тем, что якобы известно одному, и тем, что совершенно невдомек другому.

Но когда на всем полуострове разом погас свет и воцарилась тьма – крошечная, как принято говорить в Испании, хоть глаз выколи, как выражаются португальцы, склонные к образному мышлению, – когда пятсот восемьдесят одна тысяча квадратных километров сделались невидимы, то сомнений ни у кого уже не осталось – свет погас потому, что настал конец света. Продолжалось это полное затмение никак не больше пятнадцати минут, по истечении коих включили аварийные системы энергоснабжения и перешли на автономные источники питания, а их, как на грех, в это время года, в самый разгар знойного и сухого августа, когда пересыхают лагуны и ставят на профилактику теплоцентрали, задействовать было нелегко, атомных же станций, будь они неладны, мы пока не наладили, – но за эти четверть часа начался в масштабах полуострова настоящий пандемонизм, словно все черти вырвались из преисподней и все ведьмы собрались на свой шабаш, и никакое землетрясение не произвело бы столь пагубного морального воздействия, не ввергло бы жителей в столь беспросветный – вот уж точно – ужас. Произошло все это вечером, когда большинство граждан уже вернулись со службы к домашним очагам и кое-кто уже уселся перед телевизором в ожидании ужина, который готовила жена на кухне, а самые добросовестные отцы взялись, помогая чадам своим, решать задачку по арифметике, и никакого особого блаженства никто не испытывал, все как всегда, – и лишь когда обрушилась на нас тьма, словно опрокинули на всю Иберию ведро с чернилами, вот тут выяснилось в полной мере истинное значение этого недооцененного счастья, вот тут и взмолились мы: Господи Боже, не лишай нас света, верни его нам, и, клянусь, до скончания века не буду больше взывать к Тебе и просить Тебя ни о чем не буду, – так говорили раскаявшиеся грешники, по природе своей склонные к преувеличениям. Жившим в низине почудилось в тот миг, что они очутились в наглухо закрытом колоде, жившие в горах поднялись на вершину и увидели, то есть не увидели – на сколько хватало взгляда, на тысячи миль вокруг – ни единого огонька, и казалось, что планета наша свернула со своей орбиты и мчится теперь в иной, бессолнечной системе. Дрожащими руками затепливали свечи, включали фонари на батарейках, разжигали керосиновые лампы, сберегаемые на всякий – но не на такой же! – случай, доставали изящные серебряные канделябры и бронзовые, тонкой работы шандалы, раньше стоявшие лишь для красоты, и латунные убогие подсвечники, и вовсе позабытые масляные коптилки, и их неверный свет не столько разгонял тьму, сколько населял ее призрачными страшными тенями, выхватывал из нее на миг лица, испуганные, смятенные, разъятые на части, зыбко подрагивающие, как блики на воде. Женщины голосили, мужчины тряслись, дети, говорят, все до единого ударились в дружный рев. Но через пятнадцать минут, показавшихся всем, извините за избитый оборот, пятнадцатью столетиями, хотя никому не довелось прожить столько и, значит, получить право на такое сравнение, свет стал понемногу возвращаться – замерцал, задрожал, – и каждая лампа, точно ее внезапно разбудили, обводила вокруг себя мутным взгля-

дом, помаргивая, щурясь и словно раздумывая, не соскользнуть ли вновь в сонное забытие, но потом привыкала к его же даваемому свету и разгоралась ровно и ярко.

Еще через полчаса возобновившие вещание телевидение и радио сообщили о происшествии, и тогда мы узнали, что оборвались все высоковольтные провода на линиях электропередач между Испанией и Францией, кое-где рухнули опоры и столбы, а инженеры по непростительному разгильдяйству позабыли отключить питание. К счастью, фейерверк короткого замыкания не повлек за собой жертв среди населения – какой все же бессовестный эгоизм звучит в этой фразе: да, люди не пострадали, но один по крайней мере волк, не успевший увернуться от испепеляющего удара рукотворной молнии, превратился в дымящуюся головешку. Однако объяснять тьму на полуострове обрывом проводов – это лишь половина правды, а другая половина, хоть и была сознательно облечена в недоступные разумению обывателя технические термины, призванные запутать его, вскрылась очень скоро, ибо каждый считал своим долгом просветить соседа: Они просто не хотят признаться в том, что дело не только в трещинах на земле, в этом случае провода бы не оборвались. А в чем же еще, по-вашему? Да ясно же, как день, хоть мы и оказались во мраке ночи, что провода лопнули от чрезмерного натяжения, а натяжение возникло оттого, лопни мои глаза, что земля сдвинулась. Да что вы говорите? То, что слышите, и погодите, скоро и они сами это признают. Целы остались соседские глаза, ибо, хоть и не сразу, но все же на следующий день, когда слухи и сплетни размножились до такой степени, что уже никакое новое, пусть самое правдивое, известие не могло бы усилить всеобщее смятение, было сказано, пусть не все до конца и не слишком внятно, что из-за изменения геологической структуры пиренейского горного хребта сместились почвенные пласты, что повлекло за собой обрыв коммуникаций, проложенных между Францией и полуостровом, но власти внимательно следят за развитием ситуации, воздушное сообщение не прервано, все аэропорты открыты и функционируют на полную мощность, и, более того, имеется возможность начиная с завтрашнего дня удвоить количество авиарейсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.